Master Negative
Storage Number

OCI00049.02

Khmiel' do katorgi dovela

Moskva

1894

Reel: 49 Title: 2

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00049.02

Control Number: ADY-7869
OCLC Number : 30560877
Call Number : W 381.5917B B231t no. 2
Title : Khmiel' do katorgi dovela.
Edition : Izd. 2.
Imprint : Moskva : Izdanie G.T. Brilliantova (?), 1894.
Format : 32 p. ; 17 cm.
Note : Imprint illegible.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: Carmen Trinidad

ХМѢЛЬ

до

КАТОРГИ ДОВЕЛА

[illegible]

Изданіе второе.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Г. Т. Бр[illegible].
БРИЛЛIАНТОВА
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 14 іюля 892 года.

Типографія И. Я. Полякова. Покровка, д. Азанчеевской.

На правомъ берегу Волги красуется богатое село Власьевское. Привольно живется въ этомъ селѣ крестьянамъ. Многіе изъ нихъ живутъ дома и занимаются землепашествомъ, а другіе уходятъ на чужую сторону и занимаются—кто печникомъ, кто плотничьимъ ремесломъ и такимъ образомъ добываютъ довольно изрядно и живутъ себѣ припеваючи. Придетъ иной разъ интересъ на годовой праздникъ вешняго Николы домой и побыть съ

собою въ бумажникѣ сотню-двѣ прода-
токъ, везетъ и чаю и сахару, и обновки домашнимъ своимъ: кому на платье, кому платокъ, кому хорошіе полусапожки; и встрѣчаютъ домашніе съ великою радостію своего добычника. И весело имъ встрѣчать храмовой праздникъ съ такимъ хозяиномъ. Съѣдутся на праздникъ изъ сосѣднихъ деревень и селъ родные, и знакомые и запируютъ на славу. Старики сидятъ да пивцо попиваютъ, и старину вспоминаютъ, а молодцы и красныя дѣвушки хороводы водятъ, и раздается пѣсня по всему селу до самой полуночи.

На самомъ краю села стоялъ небольшой домикъ, совершенно еще новенькій, но такой миніатюрный, что, казалось, не можетъ въ него войти взрослый человѣкъ. Домикъ этотъ принадлежалъ кре-

стьянину села Власьева, Тихону Семенову. Тихонъ былъ мужикъ лѣтъ подъ тридцать, трудолюбивый и имѣлъ большую семью; но семья его состояла изъ маленькихъ четверыхъ дѣтей, жены и престарѣлой матери, слѣдовательно добычникъ въ дому онъ былъ одинъ и не подсилу часто приходилось ему заработать на всю семью; къ тому же на бѣднаго Тихона три года къ ряду была бѣда за бѣдой: то сгорѣлъ его весь домъ, который достался ему еще отъ родителя,—домъ былъ большой и, какъ говорится, въ дому была полная чаша.— Не успѣлъ онъ еще опомниться отъ этой бѣды, какъ сдѣлался падежъ на скотину: пали двѣ лошади, пала корова и обнищалъ нашъ бѣдный Тихонъ. Если бы не сосѣди добрые, то пришлось-бы бѣдному

мужику по міру ходить. Во время пожара вся семья Тихона выбѣжала изъ дому почти въ однѣхъ рубахахъ, а все добро сгорѣло. Сжалились сосѣди надъ несчастнымъ Тихономъ: пустилъ его сосѣдъ къ себѣ со всей семьей, а потомъ всѣмъ міромъ помогли ему построить маленькую хижинку, въ которой вскорѣ и поселился Тихонъ. Но не радостно было житье его, глядя на богатыхъ сосѣдей: всѣ-то живутъ въ довольствѣ да въ достаткѣ, а онъ такую бѣдность терпитъ.

И задумалъ Тихонъ, какъ бы ему поправить свое горемычное житье, да такъ крѣпко задумался объ этомъ, что ночи бѣдному не спится, хлѣбъ въ горло нейдетъ. Стала жена замѣчать, что больно скучаетъ ея хозяинъ и стала отъ него допытываться: что-де у тебя, родимь-

кій, за горе еще лютое приключилось, что ты такъ печаленъ сталъ. Ничего не говоритъ Тихонъ, а самъ все больше и больше тоскуетъ, и сталъ онъ словно шальной какой, словно не видитъ, что вокругъ его творится, изъ рукъ всякое дѣло стало выпадать.

— Да скажи ты мнѣ, родимый Тихонъ Семеновичъ, что за грусть-тоска пала у тебя на сердце? Повѣдай ты мнѣ свою кручинушку, авось вдвоемъ легче разстолкуемъ, упрашивала жена.

— Эхъ, Василиса, Василиса, да какъ мнѣ не печалиться: семья у меня большая, а добычникъ я одинъ у васъ и не стало у меня ужъ моченьки припасти на всю семью. Да и какой-же я крестьянинъ, коли у меня нѣтъ ни лошади, ни коровы; живемъ мы чуть-чуть не Хри-

стоящимъ именемъ. Вотъ спасибо добрымъ сосѣдямъ, что дѣткамъ молока даютъ, а то помирай они хоть съ голоду,—ну, развѣ отрадна такая-то жизнь? Вотъ и теперь, храмовой праздникъ у насъ: всѣ добрые люди веселятся, всѣ пива наварили, пироговъ напекли, гостей угощаютъ, а у насъ—что? И сами-то почитай съ голоду еле ноги таскаемъ. Эхъ, житье, житье, горемычное, добавилъ Тихонъ.

— Ну, а развѣ тоска-то эта поможетъ нашей бѣдности? еще хуже пожалуй надѣлаешь, коли отъ самой этой тоски да въ болѣзнь впадешь, уговаривала Василиса.

— Вотъ объ томъ-то я теперь и думаю, какъ бы мнѣ этой самой бѣдности избавиться, сказалъ Тихонъ.

— А какъ ты ее избавиться? знать

видно Богу такъ надо, отвѣтила жена.

— Задумалъ я думушку, Василиса, не знаю: приведетъ ли Богъ добиться этого дѣла.

— Что же ты задумалъ такое, Тихонъ Семеновичъ?

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Да вѣдь я чай тебѣ не чужая, Тихонъ Семеновичъ, съ укоромъ сказала Василиса.

— Да что раньше время говорить, бывать еще все это и не исполнится.

— Ну, скажи, родненькій, скажи теперь, а то все уже я неспокойна буду, коли не поскажешь ты мнѣ.

— Видишь что, Василиса: [illegible] чужую сторону ѣхать, сказалъ Т[illegible]

— На чужую сторону? Да какъ [illegible] мы останемся, Тихонъ Семеновичъ? Д[illegible]

мое бабье, ребята еще малы, какъ же съ работой-то я управлюсь! удивилась Василиса.

— Работника найму.

— Ой, Тихонъ Семеновичъ, страшно что-то мнѣ отпустить тебя на чужую сторону. Ну, коли что съ тобой тамъ повстрѣчается, что я тогда должна буду дѣлать?.. заплакала Василиса.

— Ну, вотъ и слезы у тебя сейчасъ. Охъ, ужь эти бабы: еще ни кола, ни двора, а она ревъ подымаетъ...

На этомъ и кончился разговоръ Тихона съ женой. Но неотвязная дума все глубже и глубже западала въ его сердце, и онъ твердо рѣшилъ уѣхать въ Питеръ.

Въ Питерѣ у Тихона былъ родной дядя и занимался извозомъ; вотъ къ нему-то и порѣшилъ Тихонъ отправиться. О

своемъ рѣшеніи, онъ объявилъ Васили-
сѣ, при чемъ она, конечно, не мало про-
лила слезъ.

Наступилъ день отъѣзда и въ избу
Тихона собрались сосѣди проводить его
въ дальную дорогу.

По христіанскому обряду, Тихонъ усѣл-
ся сначала за столъ, уставленный съѣст-
ными припасами, потомъ всталъ, помо-
лился, благословилъ всѣхъ своихъ ре-
бятишекъ, простился со старухою-ма-
терью, съ женой и съ сосѣдями, кото-
рые пожелали ему счастливой дороги.
У небольшаго домика Тихона Семенова
стояла плохенькая лошаденка, запряжен-
ная въ телѣгу. Усѣлся въ телѣгу Ти-
хонъ съ женой, которая поѣхала прово-
жать его до машины и—лошадка пота-
щилась.

Еще труднѣй пришлось жить бѣдной Василисѣ, проводивъ своего мужа въ Питеръ: старшій сынишка ея былъ двѣнадцати лѣтъ, слѣдовательно помощи отъ него ожидать было еще невозможно а потому бѣдной женщинѣ приходилось доходить до всего самой.

Дядя Тихона былъ человѣкъ зажиточный, имѣлъ нѣсколько десятковъ лошадей, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ отпускалъ для перевозки различныхъ кладей, а нѣкоторыхъ отдавалъ легковымъ извощикамъ, обкладывая работниковъ извѣстною суммою, которую они должны были ему доставлять каждый вечеръ. Тихонъ, пріѣхавши въ Питеръ, скоро отыскалъ дядю и явился къ нему съ поклономъ.

— Что же, милый племянничекъ, я могу сдѣлать для тебя? спрашивалъ

Петръ Созонтьевичъ—такъ звали дядю Тихона.

— Кормилецъ—дядюшка, не оставь своею милостью, не ради меня, а ради моихъ малыхъ сиротъ, упрашивалъ его Тихонъ.

— Да что:— „не оставь, не оставь" —вѣдь и самъ я не Богъ-вѣсть какой капиталъ имѣю, чтобы могъ своими деньгами людей награждать.

— Не денегъ я у тебя, кормилецъ, прошу.

— Чего же тебѣ надо отъ меня? спросилъ Созонтьичъ.

— Дай ты мнѣ лошадку и саночки, буду я извозничать; слыхалъ я, что добыча эта хорошая, сказалъ Тихонъ.

— Да, люди кормятся, отвѣтилъ дядя.

— Ну, вотъ, и окажи ты мнѣ это благодѣяніе, кормилецъ.

— Ну, ладно, согласенъ я дать тебѣ лошадку—и дамъ я тебѣ пару лошадей хорошихъ, на одной, значитъ, будешь ѣздить, а другая на перемѣну. Долженъ ты мнѣ каждый день доставить два рубля, а что сверхъ добудешь, то—твое. У насъ, братъ, въ Питерѣ ѣзда хорошая и можно добыть хорошо; ужъ я такъ полагаю, что рублевка у тебя кажинный день будетъ оставаться.

— Спасибо, кормилецъ, за твое неоставленіе, по гробъ жизни не забуду твоего благодѣянія и буду молить Бога за твое здоровье.

— Ну, ладно, ладно, сдѣлаемся, сказалъ дядя.

Черезъ два дня Тихонъ уже выѣхалъ въ городъ на красивой вороной лошадкѣ, запряженной въ хорошенькія дрожки,

вые саночки. Не легко было первое время бѣдному Тихону привыкать къ своему новому занятію: его пугалъ этотъ страшный наплывъ народа, эта ужасная ѣзда и наконецъ онъ совершенно не зналъ улицъ, куда нанимали его сѣдоки: хорошо коли нападетъ бывало на хорошаго честнаго сѣдока, который расплатится хорошо, а случалось такъ, что наймутъ его куда-нибудь и увѣряютъ, что это очень близко—ѣдетъ, ѣдетъ бѣдный Тихонъ и получитъ всего копѣекъ двадцать; а дядя не прощалъ, а требовалъ аккуратной уплаты. Но мало-помалу Тихонъ сталъ привыкать и узнавать многолюдный городъ, такъ что на второй мѣсяцъ онъ уже заработалъ собственно для себя двадцать рублей, за вычетомъ следуемыхъ дядѣ. О, какъ радъ

былъ бѣдный Тихонъ такой добычѣ! Онъ немедленно написалъ женѣ письмо со вложеніемъ двухъ красныхъ кредитокъ и велѣлъ ей нанять въ домъ работника! Не мало принесло радости письмо это въ домъ Тихона; со слезами выслушивала его Василиса и дрожащими руками разсматривала бумажки, не вѣря своему счастью. Работникъ былъ нанятъ немедленно; на присланные деньги Василиса закупила все необходимое для дома и жизнь потекла инымъ порядкомъ; ребятишки уже имѣли чистенькія рубашенки и крѣпкую обувь. Не нарадовались и добрые сосѣди, узнавъ, что Тихонъ такъ хорошо пристроился въ Питерѣ и весело смотрятъ, какъ ожила ихъ сосѣдка Василиса, убитая горемъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

А Тихонъ въ то время снова старался зарабатывать деньгу. Дядя тоже не нарадуется на своего новаго работника: лошади всегда у него вычищены, напоены, накормлены во время, сани и сбруя въ порядкѣ. И такъ Тихону жилось хорошо, — но вѣрно лихой глазъ какой-нибудь сглазилъ это хорошее житье его, и снова на бѣднаго мужичка бѣда нашла; но бѣда эта приключилась уже отъ своей оплошности, отъ своего глупаго разума.

Подружился Тихонъ съ однимъ товарищемъ, тоже легковымъ извощикомъ, молодымъ парнемъ, который жилъ у богатаго хозяина и ѣздилъ на „лихачѣ“. Много зарабатывалъ парень на своихъ лихихъ коняхъ, — то, бывало, прокатитъ какого-нибудь молодаго купчика-кутилу

за городъ съ какой-нибудь красоткой, смотришь—тороватый купчикъ даетъ на чай пятерку; а такихъ купчиковъ нерѣдко случалось возить парню на своихъ лихачахъ, ну—деньги, значитъ, у него шальные, вотъ онъ и привыкъ ими транжирить. И сталъ этотъ самый нарочно надъ нашимъ Тихономъ подсмѣиваться: „мужикъ ты-де сиволапый, ничего ты не знаешь, ничего не вѣдаешь, даромъ что въ Питерѣ живешь, а хорошаго ничего не видишь".

— Да гдѣ же, Ваня, я увидать-то могу? сказалъ ему Тихонъ.

— Вотъ дурень-то, въ Питерѣ живетъ, да не знаетъ, гдѣ хорошее увидать можно, засмѣялся Иванъ.

— Да что ты смѣешься-то, — вѣдь чтобы увидать что хорошее — нужно

деньги тратить, а у меня ихъ нѣтъ: все, что заработаю, въ деревню нарочно послать, отвѣтилъ Тихонъ.

— Деревню-то не удивишь, пожалуй посылай. Ну, да коли ужъ ты такая голь перекатная, такъ я, жалѣючи тебя, покажу тебѣ все за свои денежки, у меня ихъ, братъ, куры не клюютъ, хвастался Иванъ.

И дѣйствительно, съ этого дня Иванъ сталъ посвящать Тихона во всѣ доступныя имъ удовольствія: они были и въ театрахъ и въ гостинницахъ и въ цирках; у Тихона глаза на все такъ и разбѣгались. Иванъ любилъ выпить и выпивалъ не мало, а потому мало-по-малу втягивался въ водочку и Тихонъ. Первое время онъ выпивалъ понемногу, а потомъ все больше и больше и, мало-

нецъ, уже окончательно пристрастился, такъ что нерѣдко рѣшался выпивать и на свои. Письма въ деревню сталъ писать рѣже и рѣже, а денегъ уже совсѣмъ не посылалъ и на слезныя письма Василисы отвѣчалъ—что дѣла у него очень плохи, что дядя ему почти ничего не даетъ, а обираетъ у него всю выручку.

Василиса такъ любила своего мужа, что безусловно вѣрила ему во всемъ, не подозрѣвая никакого обмана со стороны Тихона.

Въ концѣ-концовъ дѣло дошло до того, что дядя отобралъ у Тихона лошадей, потому что онъ рѣшительно не привозилъ ему никакого заработка. Тихонъ, оставшись недоволенъ дядею, сильно нагрубилъ ему тогда; дядя почти вы-

гналъ его изъ дому. Иванъ пріютилъ къ себѣ Тихона.

— Плохо мое дѣло, Ваня, жаловался Тихонъ.

— А ты не унывай, будетъ время и мѣсто найдешь, а пока живи у меня; будемъ лихо водочку попивать и мнѣ съ тобой веселѣй,—уговаривалъ Иванъ.

— Такъ-то такъ, а дома-то какъ?

— Ну, что дома! плюнь на все да и только, живи пока живется.

— Жена вѣдь тамъ, дѣти, говорилъ Тихонъ, который уже начиналъ видѣть свою погибель.

— Ну, что, словно старая баба раскудахтался; ну, что жена, шутъ съ ней, много здѣсь въ Питерѣ женъ.

— Нѣтъ, Ваня, не говори ты мнѣ та-

кихъ словъ, не губи ты меня въ молодцѣ, говорилъ охмѣлѣвшій Тихонъ.

— Полно, баба, выть-то, панихиду-то пѣть, еще наплачемся, будетъ время, а теперь пока пей, коли винцо есть. может будетъ такое время, что и винца-то купить намъ съ тобой не на что будетъ, вотъ тогда ужъ и наплачемся.

И такъ нашъ бѣдный мужикъ, подъ вліяніемъ дурнаго товарища, окончательно опустился, а тутъ новое горе грозило ему. Ивана за пьянство хозяинъ разсчиталъ и то[illegible]ъ былъ принужденъ скитаться по городу и выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба.

А Тихонъ долженъ былъ выправлять себѣ новый годичный паспортъ, такъ какъ старому уже давно минулъ срокъ и онъ жилъ по отсрочкѣ. Писалъ Тихонъ къ

женѣ, чтобы она выслала ему паспортъ; но та отвѣтила, что требуютъ съ него въ волостномъ правленіи недоимки и паспорта не даютъ. Письмо Василисы было наполнено упреками; она писала, что двое старшихъ ребятишекъ простудились, бродя по деревнѣ за милостынею, и вотъ уже другой мѣсяцъ какъ лежатъ въ сырой землѣ. Старуха-мать тоже лежитъ при смерти, потому что до нея дошли слухи, что сынъ ея ведетъ въ Питерѣ самую безпутную жизнь. Думала Василиса, что письмо это подѣйствуетъ на Тихона и онъ образумится, но не такъ вышло на дѣлѣ. Тихонъ уже такъ погрязъ въ дурной жизни, такъ спился, что ему трудно было остановиться.

Василиса, видя, что письмо ея не имѣло никакого успѣха, рѣшилась написать

къ дядѣ и просила его подробно сообщить ей все, что касается Тихона и ничего отъ нея не скрывать. Петръ Сазонтьевичъ, получивъ письмо Василисы, немедленно розыскалъ Тихона, который жилъ въ то время въ притонѣ какихъ-то бродягъ. Созонтьичъ просто ужаснулся при видѣ Тихона, котораго положительно было невозможно узнать съ его опухшимъ, покрытымъ синяками, лицемъ. Рубище покрывало его тѣло и онъ просто былъ жалокъ.

— Тихонъ, Тихонъ, что только съ тобой сдѣлалось, подумай ты о своей прежней жизни; вспомни ты свою трудовую жизнь въ деревнѣ, гдѣ ты былъ въ кругу своей семьи; подумай, что ты дѣлаешь? Ты своимъ пьянствомъ, своимъ развратомъ уложилъ въ сырую могилу

своихъ малыхъ дѣтокъ, убиваешь мать, жену. Одумайся, Тихонъ, еще есть время опомниться, оставь ты это проклятое житье, оставь пагубное товарищество и встань на прежнюю дорогу. Вспомни, какъ счастливъ ты былъ въ тѣ минуты, когда ты посылалъ своей женѣ въ деревню свой первый заработокъ; вспомни—какъ ты со слезами радости читалъ письмо твоей жены, въ которомъ она со слезами благодарила за твое попеченіе о ней и о малыхъ дѣтяхъ; вспомни все это и одумайся. Куда готовишь ты свою душу? Постоянно ты пьянъ, растерзанъ, протягиваешь руку за подаяніемъ, когда ты самъ можешь помогать людямъ. Тихонъ, Тихонъ, обратись къ Богу и проси Его простить тебѣ всѣ твои прегрѣшенія, уговаривалъ Тихона Созонтьевичъ;

не Тихонъ былъ глухъ къ такимъ словамъ.

Увидалъ Созонтьевичъ, что погибъ человѣкъ безвозвратно и, съ болью въ сердцѣ, былъ принужденъ вернуться домой.

А бѣдная Василиса тѣмъ временемъ схоронила старуху-свекровь и дошла до жалкаго положенія, что принуждена была идти просить милостыню. Она, какъ женщина работящая, могла бы наняться куда нибудь въ работницы, но кто-же возьметъ ее съ двумя маленькими дѣтьми. Горько-неутѣшно плакала бѣдная женщина надъ своимъ тяжелымъ, безвыходнымъ положеніемъ.

— Ты бы, Василиса, ѣхала въ Питеръ-то, отыскала-бы тамъ своего злодѣя-то, бывать, онъ на тебя глядючи и

сжалился бы, и встали бы на прежнюю стать, совѣтовали ей сосѣдки.

— Что вы, родненькія, да съ чѣмъ же я до Питера-то доѣду? говорила Василиса.

— Міромъ на дорогу соберемъ, отвѣтили сосѣдки.

— А ребятъ-то куда я дѣну, родимыя?

— Ребятъ въ деревню отвезешь теткѣ Аринѣ: она у тебя живетъ, слава Богу, въ достаткѣ; своихъ ребятъ не имѣетъ, ничего ей не стоитъ прокормить ребятишекъ, пока ты въ Питеръ съѣздишь.

— Да что будетъ-то изъ этаго, что я въ Питеръ поѣду? говорила Василиса.

— А то и будетъ, что урезонишь ты его, можетъ и возьмется за умъ, да и дядя, бывать, тебѣ поможетъ, коли раз-

скажешь ему всю свою бѣдность, уговаривали сосѣдки.

— Нѣтъ, родимые, все это напрасно: ужъ коли человѣкъ вдался въ такое пьянство, такъ плохо исправлять его. Слышь, дядя-то пыталъ его уговаривать—да ничего не взялъ, такъ послушаетъ-ли онъ моего глупаго разума. И недаромъ же ныло мое сердце вѣщее, какъ провожала я его въ Питеръ, что не бывать тамъ ему добра, словно въ сырую могилу отпускала я его въ Питеръ, говорила Василиса, заливаясь горькими слезами.

Напрасно старались словоохотливыя сосѣдки уговорить бѣдную женщину: слишкомъ тяжело было ея горе, чтобы можно было утѣшить ее. Вотъ кончился срокъ и отсрочки Тихона, и пришелъ ему конецъ, не было возможности жить безъ

всякаго вида въ Питерѣ. Какъ ни бродяжничалъ онъ, какъ ни скрывался въ различныхъ трущобахъ, а въ концѣ-концевъ пришлось расплатиться за все.

Однажды въ одномъ изъ хорошихъ магазиновъ, на бойкой улицѣ, была совершена ночью кража довольно значительная. Полиція усердно принялась за поиски и скоро были найдены три оборванца въ одномъ изъ грязныхъ трактировъ, кутившими и мѣнявшими довольно крупныя бумажки. Оборванцевъ, конечно, схватили и вотъ въ числѣ-то ихъ и былъ знакомый намъ Тихонъ. На вопросъ: кто онъ такой? — Тихонъ сначала долго не хотѣлъ назвать своего имени, но, наконецъ, боясь строгаго наказанія, онъ сознался.

— Меня зовутъ Тихономъ Семеновымъ,

отвѣтилъ онъ при допросѣ.

— Какой ты губерніи?

— Тверской.

— Уѣзда?

— Тверскаго.

— Волости?

— Знаменской, села Власьева, отчетливо отвѣтилъ Тихонъ. Вскорѣ онъ былъ посаженъ въ тюрьму вмѣстѣ со своими товарищами.

Тутъ Созонтьевичъ совершенно случайно узналъ, что Тихонъ попался въ воровствѣ и ему захотѣлось повидаться съ нимъ. Жаль ему было, что такъ ужасно погибъ человѣкъ.

— Здравствуй, Тихонъ Семеновичъ! Видишь, до чего довело тебя пьянство! Не хотѣлъ ты во время послушать моего совѣта,—вотъ и пришлось теперь до-

рого поплатиться за позорную грѣховную жизнь, сказалъ Созонтьевичъ, здороваясь съ племянникомъ.

Тихонъ словно ожилъ отъ этаго знакомаго роднаго ему голоса. Онъ пристально поглянулъ въ лице дяди и потомъ быстро бросился къ ногамъ его.

— Дядя, родимый дядюшка, прости ты меня, окаяннаго! Много я виноватъ предъ Господомъ, нѣтъ мнѣ прощенія за мои тякія прегрѣшенія, погубилъ я несчастную бабу съ малолѣтними дѣтками, погубилъ матушку. Охъ, велики мои грѣхи! Не видать ужъ больше никогда моихъ родимыхъ дѣтушекъ! Не оставь ихъ, любезный дядюшка, не дай умереть съ голоду! да скажи имъ, чтобы простили они своего отца, который, забывъ Бога, пре-

[illegible] развратной [illegible] съ родными [illegible] говорилъ Тихонъ.

— [illegible] могу — помочь [illegible]. Ну, прощай, Тихонъ, не видаться намъ ужъ больше съ тобой. Вотъ видишь, и сбылись мои слова, которыя я тебѣ прежде говорилъ: „Жить до дна, не видать добра...

Конецъ.

W381.5917B-B231t

W117105